

УДК 347.63

БЕСПРИЗОРНОСТЬ ДЕТЕЙ В ТАССР В 1930-е гг.

И.И. Ханипова, кандидат исторических наук

В 1930-е гг., несмотря на официальное заявление государства о полной ликвидации массовой уличной беспризорности детей, присутствие на улицах беспризорных и безнадзорных детей было частым явлением. Различий между понятиями «беспризорный» и «безнадзорный» в рассматриваемый период практически не делали. В официальной документации фигурировало понятие детская беспризорность, объединявшее оба эти термина. С 1935 г. в сочетании с детской беспризорностью появляется и термин «безнадзорность» [1, с.130].

В этот период начинается второй этап в развитии детского сиротства и беспризорничества. Он связан со многими факторами — раскулачиванием и кулацкой ссылкой, административными и партийными чистками, репрессиями, переселением различных категорий граждан и др., что повлекло за собой массовую гибель людей и голод, отсутствие родительской опеки [2, с. 23]. На наш взгляд, весомую роль в распространении беспризорничества в Татарской республике сыграл голод начала 1930-х гг. Доказательством тому служат, в частности, участвовавшие к 1933 г. факты подбрасывания детей в детские учреждения, нищенствование детей малолетнего возраста на улицах г. Казани.

В 1933 г. в связи с огромным наплывом беспризорных сеть детских домов, существовавшая в республике, была не в состоянии охватить всех детей. На протяжении 1933 г. по г. Казани дважды проводился сбор беспризорных детей, которых пристраивали в детдома или же сразу направляли на патронат по районам республики. Кроме того, в

г. Казани было дополнительно организовано три временных детприемника, задача которых заключалась в оказании детям общественной помощи, адаптации в коллективе. В приемниках-распределителях дети могли находиться не более одного месяца. По истечении указанного срока их должны были направить в детское учреждение соответствующего типа, либо, если были живы родные, вернуть родителям или родственникам [СПиР, с.474]. После постановления 1935 г. к февралю 1940 г. через приемник-распределитель НКВД было пропущено более 10,5 тыс. детей (из них 3860 чел. стали беспризорными по причине смерти родителей, 3183 чел. — в силу тяжелых материальных условий). Кроме того, по приказу Наркома путей сообщения и Наркома просвещения РСФСР от 29 ноября 1933 г. «Об усилении работы по ликвидации детской беспризорности на железнодорожном транспорте» в 1934 г. в Казани, как и в ряде узловых станций страны, действовал вагоно-приемник для беспризорных.

В 1934 г. в ТАССР было 22 детских дома, из них 1 приемник-распределитель, 15 — для нормальных детей (школьного и дошкольного возраста), в т.ч. 1 для детей, страдающих венерическими заболеваниями. Для детей с отклонениями в физическом или психическом развитии («физически дефективных») предназначались 7 детских домов — 3 для глухонемых, 2 для слепых и 1 для умственно-отсталых детей. Однако принципы укомплектования часто не соблюдались и на протяжении 1930-х гг. в детских домах нормально-

го типа встречались дети с морально-дефективными отклонениями. Территориально 18 детских домов находились в районах республики и 4 – в г. Казани. По национальной принадлежности детей 4 детдома преимущественно были татарскими, 3 – русскими и 15 – смешанными.

К концу 1938 г. в Татарии функционировало 24 детских домов, в том числе 13 школьных, 4 дошкольных (один из которых – для глухонемых детей), 7 специальных (в том числе один с особым режимом). На 1 февраля 1940 г. в республике насчитывалось 25 детских домов, в том числе 17 нормального типа, 6 для дефективных детей и 2 специальных детдома.

Если на 1 сентября 1934 г. (а в 1935 г. на всесоюзном уровне было официально объявлено о том, что с детской беспризорностью в стране покончено) общая численность детей в детских домах ТАССР составляла 2328 детей, то к началу 1940 г. она достигла уже 3603 чел, значительно превышая численность детей по штату. На наш взгляд, резко возросшее количество детей сирот, беспризорных детей объясняется голодом, который испытали жители республики, особенно сельских районов, накануне Великой Отечественной войны [3; 4]. Увеличился приток беспризорных и безнадзорных детей в крупных районных центрах (Агрыз, Елабуга, Чистополь, Бугульма, Мамадыш). С улиц Казани только за 10 месяцев 1939 г. органами милиции ТАССР было изъято 2528 детей в возрасте 10–16 лет, из них 969 беспризорных, 1372 безнадзорных, 149 заблудившихся и 38 подкинутых родителями.

На бытовую и хозяйственную жизнь детдомов возлагались серьезные педагогические задачи: борьба с потребительской психологией воспитанников, с отсутствием привязанности и небрежным отношением к имуществу домов. Наиболее подходящими отраслями хозяйства считались те, в которых мог быть использован труд детей разных возрастов, в первую очередь огородни-

чество, кролиководство, свиноводство [5, с. 59–60].

С целью улучшения материально-бытовых условий воспитанников в 1932–1933 гг. детские дома Татарии перешли на создание подсобных хозяйств. К октябрю 1935 г. поголовье лошадей в детских домах республики насчитывало 57 голов, коров – 69 голов, телят – 58 голов, свиней – 95 голов, овец – 141 голову. К концу 1930-х гг. при всех детдомах (за исключением Елабужского дошкольного, Мамадышского, Свияжского, Тетюшского, Ялтинского школьных детдомов) имелись свои подсобные хозяйства.

Одна из главных задач подсобного хозяйства при детдомах заключалась в улучшении питания. На протяжении тридцатых годов нормы питания детей в детских домах, как правило, были недостаточными. Продукты питания, потребляемые детьми, оставались низкокалорийными и крайне однообразными, не хватало жиров, белков. Пища готовилась невкусно. Так, материалы обследований ряда районных детдомов республики за 1931 г. показывают, что в мае 1931 г. в меню школьников входило: утром чай и 200 г хлеба. Вместо полагающейся нормы питания – хлеба 600 г, мяса 100 г, крупы 100 г, овощей 100 г, сахара 20 г, масла 20 г выдавалось хлеба белого и черного 548 г, мяса 54 г, овощей 610 г, крупы (риса) 61 г или пшена 120 г. Жиры практически отсутствовали в рационе. Молоко выдавалось изредка. Чай дети получали один раз в день, так как не было отдельного котла для кипячения воды.

В меню дошкольников включалось: на завтрак чай с молоком, 20 г белого хлеба и сахар. На обед – суп мясной или молочная лапша и черный хлеб. В 4 часа – чай с хлебом и сахаром, на ужин – каша и хлеб. Всего хлеба – черного и белого – на день выдавалось 500 г, сахара 15 г, мяса 50 г, макарон 25–30 г, крупы (разной) 50 г, овощей 150 г, масла 5 г (не всегда), молока на всех детей детдома – 1–2 четверти вместо минимальной нормы. Меню

детского дома для подростков было таким: утром — чай с хлебом сахаром, на обед — суп или щи, на ужин — каша или лапша. Кипяток имелся в течение всего дня. На одного человека выдавалось круп разных 100–120 г, мяса 75 г, сахара 15–20, хлеба белого и черного 600 г, разных овощей до 300 г, жиров 10–15 г — не ежедневно. Детдом подростков нуждался как в улучшении питания, так и в пополнении оборудования и обмундирования, белья. Плохо обстояло дело с питанием в Елабужской детской областной школе слепых — на человека приходилось 400 г хлеба, изредка выдавались крупы, сладостей (сахара) не получали несколько месяцев. В Елабужской школе колхозной молодежи с февраля и в течение 1931 г. полностью отсутствовало снабжение мясом и жирами. На протяжении 1933 г. большинство детских домов республики недополучали продукты питания, либо снабжались только ржаной мукой и в недостаточном количестве.

В начале 1935 г. нормы продуктов питания на каждого ребенка районных детдомов, определенные Татвнутриторгом, были значительно ниже норм центра. Но и они выполнялись не полностью. В 1936–1937 гг. воспитанники детдомов по-прежнему недополучали мясо, рыбу, масло, молоко. Так, в декабре 1936 г. меню Свияжского детдома слепых было однообразным: на завтрак — чай с белым хлебом, на обед — суп мясной и второе (мясное). В 4 часа — чай с хлебом, на ужин — картофельное пюре на маргарине. Фактически же два блюда на обед подавались далеко не всегда. Дети, находившиеся на патронате по линии наркоматов и сельских советов через колхозные кассы взаимопомощи, также недообеспечивались питанием, что вело к увеличению побегов детей и притока их в г. Казань.

Недоставка или полное отсутствие поставки продуктов детдомам в 1940 г. вынуждало руководство районных детдомов покупать продукты на рынке, на что тоже катастрофически не хватало средств.

Практически во всех детских домах наблюдалась значительная нехватка белья как нательного, так и постельного (последнее, при наличии одеял и подушек, часто вовсе отсутствовало). Более половины имеющейся в наличии одежды и обуви требовали ремонта, были негодными к употреблению. Не хватало головных уборов, зимних пальто, валенок и ботинок. В некоторых детдомах у воспитанников совсем отсутствовала верхняя одежда и обувь.

Нужно отметить, что ограничения в питании, одежде, а также в возможностях приобретения товаров первой необходимости испытывали не только воспитанники детдомов, но и большая часть населения всей республики. Общий уровень обеспечения населения промышленными и продовольственными товарами в 1930-е гг. оставался невысоким. Многие деревенские жители также испытывали продовольственные трудности.

На протяжении 1930-х гг. не было построено ни одного стационарного здания для детских домов или специальных школ. Ни один из детских домов не был обеспечен достаточной жилой площадью. Как правило, помещения, занимаемые детскими домами, были старыми, ветхими, требовали ремонтных работ (как внутренних, так и наружных). Срочный капитальный ремонт был необходим зданиям Чистопольской и Бугульминской школ для глухонемых, Мамадышского, Бугульминского, Лаишевского, Мензелинского, Елабужского и Кокшанского школьных детдомов.

Ситуация с материально-бытовыми условиями детских домов к концу 1930-х гг. не изменилась. Столовые, уборные, умывальные комнаты оставались необорудованными. Часто дети проживали в холодных неотапливаемых помещениях. Из-за недостатка помещений дети были вынуждены спать в коридорах, столовых. Вместо положенной по санитарным нормам полезной площади на каждого ребенка — общей 10,9 кв.м. и спальни 3,5 кв.м, приходи-

лось общей площади 7 кв.м и спальни 2,5 кв.м.

Так, материалы обследований 1937 г. Чистопольского детского дома № 2 показали, что на двести человек имелось три здания — общежитие, столовая и клуб. Столовая находилась в антисанитарном состоянии — грязно на столах, на полу, на окнах, помещении было неуютным и имело казарменный вид. У детей для приема пищи не хватало ложек, вилок, кружек и тарелок. Антисанитария наблюдалась и в общежитии — клопы, грязь, теснота. На койках спали по 2 человека, постель не дезинфицировалась. Отсутствие стаканов, графинов с водой вынуждало детей пить сырую воду из-под крана. У детдомовцев не имелось в достаточном количестве зубных щеток и порошка.

В антисанитарном состоянии находился и Займищенский детдом. Здания к началу учебного года остались без ремонта, детям негде было расположиться, чтобы готовить уроки. Воспитанники ходили в грязной одежде, не имели мыла и зубного порошка, пили сырую воду. Кухонные работники не соблюдали санитарно-гигиенические требования.

Казанский детский дом № 1 по материалам обследования 1938 г. также находился в антисанитарном состоянии. Детдомовцы вынуждены были спать по двое, в столовой и спальнях грязно, на стенах пыль, двери расшатаны, на них отсутствуют ручки, окна в отдельных комнатах разбиты. В уборных грязь, на полу вода, дети босые умываются, а потом с грязными ногами ложатся в постель. Часто не бывало кипяченой воды, и дети пили сырую воду.

Санитарно-гигиеническое состояние Елабужского дошкольного детского дома в 1938–1939 гг. находилось на хорошем уровне. Тем не менее, недостаток жилых площадей приводил к тому, что около 30% детей вынуждены были спать по двое в одной кровати. Необходимые для расширения жилой площади 30–40 тыс. рублей, заложенные в смете 1939 г., Наркомфином

и Наркомпросом были проигнорированы, деньги выделены только на текущий ремонт.

Материалы отчетов за 1939–1940 гг. показывают, что ситуация с антисанитарным состоянием ряда детских домов продолжала сохраняться. Следствием этого стало массовое заражение воспитанников педикулезом, чесоткой, трахомой и другими заразными заболеваниями.

В целом к 1940 г. детские дома ТАССР были перегружены, нормы вместимости не соблюдались. В целях повышения пропускной способности детских домов, детей старшего возраста, т.н. «переростков в возрасте от 14 лет», устраивали в школы фабричного обучения, на промышленное производство, в колхозы и совхозы для работы и обучения в производственных бригадах [СПиР, с.475]. Только в 1939 г. детдома необходимо было «разгрузить» — фактически определить на работу 190 детей, в результате к концу года было устроено 204 чел. В 1940 г. подлежало трудоустройству 300 воспитанников, в 1941 г. — еще 150 воспитанников детдомов.

Наряду с общеобразовательной деятельностью одним из главных направлений деятельности детских домов республики в 1930-х гг. было профессиональное обучение. Еще в январе 1931 г. Комиссия по вопросам ликвидации беспризорности указала на необходимость органичного слияния нормального школьного детдома со школой фабрично-заводского ученичества, школой колхозной молодежи. 5 мая 1931 г. Наркомпрос издал инструкцию о слиянии детдомов школьного типа со школами, а 26 мая совещание Деткомиссии союзных республик вынесло решение о прикреплении всех детских учреждений с 1 сентября 1931 г. к школам и через них и вместе с ними — к производствам¹, МТС, совхозам, колхозам и т.д. [5, с.24].

Дети младшего возраста приобретали навыки работы на уроках труда — учились не только так называемому «са-

мообслуживанию»: пришивать пуговицы и вешалки, ставить простую заплатку, но и подметать пол, проверять качество проделанной работы – правильно ли сложены дрова, истоплена печь, запряжена лошадь, а также участвовали в очередных дежурствах по детдому.

Воспитанники старших возрастов принимали участие в работе на сельскохозяйственных участках (уборке картофеля, чистке дорожек, работам на территории сада, обработке яблонь) и специально организованных мастерских (столярных, корзиночных, сапожных, трикотажных, швейных). Ребята осваивали такие виды специальностей, как столяр, швея, сапожник. По окончании двухгодичной программы воспитанники получали 3–4 разряд рабочего, что давало возможность начать самостоятельную трудовую жизнь. Так, воспитанники Мензелинского детдома закреплялись по мастерским с 12 лет, и ежедневное посещение мастерской было обязательным.

Обучая воспитанников, мастерские выпускали изделия главным образом на нужды самих детдомов. И только в тех случаях, когда отсутствовал материал, брали заказы из сырья заказчика. Среди создаваемой детдомовцами продукции перечисляются табуреты, шкафы, столы, тумбочки, этажерки, рамки для портретов (столярные изделия), нижнее белье, платья, кофточки, юбки, гимнастерки (швейная продукция), шарфы, шапки, варежки, свитера, гамаши, рейтузы (трикотажные изделия), сапоги, туфли, ботинки. Производился также ремонт обуви.

К сентябрю 1939 г. в 18 детских домах насчитывалось 44 мастерские. В их деятельности оставалось много организационных, финансово-материальных и даже методических трудностей. Из-за отсутствия двигателей срывалась механизация мастерских. Очень часто мастерские находились в непригодных для работы помещениях. Не имели достаточного количества оборудования, например, в швейных мастерских на группу в 20–25 человек было

всего 3 машины. Не хватало инвентаря, необходимых материалов, сырья. Иногда при наличии хорошего оборудования отсутствовали опытные инструкторы и подготовленные преподаватели (например, в Новомирском, Мамадышском детдомах). Некоторые преподаватели-мастера недостаточно владели теорией мастерства, не умели передавать знания учащимся. Мероприятия, направленные на повышение качества подготовки инструкторов трудового обучения для детских домов республики не привели к улучшению постановки трудового обучения.

Контингент детей, находившихся в детских домах, особенно специальных, также оставлял желать лучшего. Среди воспитанников наблюдалось грубое нарушение дисциплины: ругань, курение табака, пение нецензурных песен, игра в деньги, вызывающее поведение по отношению к воспитателям. Встречались факты воровства и хулиганства. В детдомах трудновоспитуемых на стенах классов, комнат и на партах были нарисованы фашистские знаки, нецензурные слова. У некоторых детдомовцев имелись ножи. Бывали случаи, когда воспитанники на уроках слесарного мастерства изготавливали ключи, ножи, кинжалы и даже самодельное огнестрельное оружие.

Несмотря на столь нелегкие условия работы и участвующую задержку зарплаты, отдельные педагоги и воспитатели предпринимали немало усилий, чтобы адаптировать детдомовцев к условиям обычной жизни. Честно и добросовестно относясь к своей работе, заботливо – к воспитанникам, они проводили дополнительные занятия с отстающими, стремились проявлять индивидуальный подход к каждому ребенку (Кураловский, Лаишевский, Тетюшский детдома). Гораздо чаще имели место непедагогические меры воспитания – грубое отношение к детям как со стороны воспитателей, так и со стороны обслуживающего и технического персонала, избивание детей. Это нередко приводило к побегам из детдомов,

тем самым сводя на нет процессы социализации беспризорных детей.

Педагогический состав детских домов, несмотря на проводившиеся курсы, был непрофессиональным. Комплектование кадрами было неудовлетворительным, педагогов не хватало, имела место текучесть педкадров — когда за год в группах отдельных детдомов сменялось по три-четыре воспитателя. И если педагоги в большинстве своем имели достаточное образование — специальное среднее, общее среднее и педагогический стаж, то воспитатели, как правило, имели либо среднее и неоконченное среднее, либо низшее образование. Недоукомплектованность детских домов соответствующими кадрами, низкая квалификация сказывались на постановке учебно-воспитательной работы в детских домах. На 1936 год в 22 детдомах республики по штатам должно было состоять 146 воспитателей (не хватало 31 чел.), 53 педагога (не хватало 32 чел.). Из 22 полагающихся по штатам заведующих детдомами в наличии имелось только 18 чел. По утверждению Штатной комиссии при Наркомфине РСФСР, штат детских домов на 1937 г. необходимо было увеличить в 1,5 раза. В 1938 г. учителей (только спецшкол) было 73 чел., воспитателей — 236 чел., в т.ч. 112 — в школьных детдомах, 63 — в спецшколах и 61 — в дошкольных детдомах. В 1939 г. в детдомах насчитывалось 232 воспитателя и 143 учителя. К 1 сентября 1939 — 1940 уч. г. в детдомах республики по-прежнему не хватало 65 педагогов и воспитателей.

Плохие материально-бытовые условия, нехватка еды, необеспеченность одеждой, обувью, не всегда корректное отношение воспитателей к детям, вызывали большую текучесть воспитанников, так называемую повторную беспризорность.

Своеобразной формой сокращения детской беспризорности в республике в 1930-е гг. стало так называемое патронирование² детей — перераспределение на воспитание в крестьянские семьи [6, с.100—102]. В 1934 г. в работе по линии

патронирования участвовало 44 района ТАССР. Наилучшими по развертыванию работы стали Елабужский, Чистопольский, Бугульминский, Сармановский и Дубьязский.

Патронируемые подростки, достигнув 16-летнего возраста, автоматически становились членами колхоза. В случае, если воспитанник по достижении 16 лет не желал становиться членом колхоза, он из колхоза должен был быть отпущен. Труд детей, патронируемых в колхозах, должен быть связан только с обучением. Дети, достигшие 12 лет могли привлекаться к посильному сельскохозяйственному труду в пределах законодательных норм [6, с. 108]. Например, в 1935 г. патронируемые одного из районов республики привлекались к сбору огурцов, колосков, караульными на огородах, к работе в детских яслях. Некоторые патронируемые ребята заработали от 45 до 99 трудовней и получили по 22 фунта за трудовень (Чистопольский район), что характеризует добросовестное отношение колхозников к патронируемым.

На патронирование предусматривалось выделять ежемесячно 25 руб. (в 1933—1934 гг.), к 1937 г. сумма возросла до 36 руб. в месяц на человека. Согласно инструкции Детской комиссии при ВЦИК кассам взаимопомощи колхозов по проведению патронирования сирот в семьях колхозников, на кассы взаимопомощи колхозов возлагалось не только содержание детей-сирот, но и оказание помощи детям колхозников, временно испытывавшим нужду. На 1935 год из резервного фонда СНК СССР дополнительно для помощи касс взаимопомощи предусматривалась доплата в 30 руб. на каждые 100 руб., расходующие кассой на помощь сиротам и детям «временно впадших в нужду колхозников» [СПиР, с.476].

По Постановлению СНК ТАССР от 8 сентября 1935 г. «О распределении и порядке расходования 40 тыс. руб., отпущенных ТАССР из резервного фонда СНК СССР для помощи кассам общественной взаимопомощи колхозов на

содержание детей сирот и помощь детям временно вставшим в нужду родителей», выделенные средства были распределены по районам республики. Например, в Теньковский (упразднен в 1958 г., территория передана в состав Верхнеуслонского и Камскоустыинского районов), Новошешминский районы направлено по 320 руб., в Агрызский, Красноборский (часть соврвременного Агрызского района), Мензелинский, Спасский, Таканьшский (северная часть современного Мамадышского района) и др. — по 800 руб., в Аксубаевский, Бондюжский (современного Менделеевский район), Балтасинский, Арский и т.д. — по 1200 руб.

На 1939 г. контингент патронируемых по районам республики детей был утвержден Наркомфином в 1178 чел. Фактически же беспризорных, направленных на патронирование, насчитывалось 1759 чел. Выделяемой государством ежемесячной суммы было совершенно недостаточно для создания нормальных условий жизни. К тому же, патронатным пособием были охвачены только лишь 1138 детей, что тоже становилось одной из причин увеличения «повторного» беспризорничества.

Проверки показали необеспеченность патронируемых детей обмундированием, т.к. они не были включены в централизованную систему обеспечения. Торгующие же организации на местах, как правило, ничем не могли помочь из-за элементарных недопоставок товаров первой необходимости в сельские районы республики.

На 1 июня 1940 г. патронированных детей насчитывалось 1705 чел., из которых 67 до конца года подлежали снятию с патроната. Еще 896 детей нуждались в определении на патронат.

Согласно распоряжению Наркомпроса и Колхозцентра от 16 января 1930 г. №662510 «Об условиях передачи воспитанников детских учреждений в колхозы на патронирование» предполагалось, что в колхозы направляются здоровые, дисциплинированные дети и в добровольном порядке [6, с.108].

На практике же детдома часто стремились передать на воспитание колхозникам недисциплинированных или больших ребят (Чистопольский, Бугульминский детдома). Имели место случаи, когда, направляя детей на патронирование, отдельные РОНО совершенно не учитывали национальную принадлежность детей (Аксубаевский, Первомайский детдома). Некоторые заведующие РОНО передавали детей своим родственникам, родителям (Верхнеуслонский детдом).

Примером налаженной организованной работы стал Елабужский РИК, председатель которого проводил совещания при участии всего низового актива, а затем всем составом пленума ходили с демонстрацией в детдома. Представители колхозов разговаривали с детьми, выбирали ребят на воспитание в свои колхозы.

Обследования Комиссии Наркомпроса РСФСР и Деткомиссии показали, что количественно работа по патронированию в республике была удовлетворительной, а вот качественно далеко не всегда отвечала требованиям. Имели место случаи, когда воспитанники находились в хороших условиях, были прикреплены к школам и даже «обучались в 10-летках», жили на квартирах, нанятых колхозами в других селах, где имелись соответствующие школы (например, в д. Сентяк Елабужского р-на были устроены на обучение 6 чел. из соседней деревни). Но в большинстве случаев патронирование не всегда проходило на должном уровне. Материалы актов обследования патронируемых детей, сохранившиеся в фондах НА РТ показывают следующую картину. Дети, взятые колхозами из детских домов на патронат, часто голодали, не имели одежды, кровати и своего постельного белья. Вынуждены были жить в неотапливаемых, непригодных для жилья помещениях — пожарном сарае, клубном помещении, так как им долго не предоставляли квартиры или хозяева брали их к себе в дом на короткие сроки. Некоторые дети, взятые колхозами

на патронат, но неустроенные на квартиры, вынуждены были вести бродячий образ жизни, пускаться в бегство и возвращаться в детдом. Были случаи несвоевременного заключения договоров с отдельными колхозниками, вследствие чего дети вынуждены были кормиться по дворам (Бугульминский, Пестречинский районы).

Семьи, принимавшие детей на воспитание, также не всегда имели достаточно хорошие материально-бытовые условия и появление в доме еще одного «рта» ухудшало и без того бедственное положение. Тем более, как показывают акты обследования, зачастую положенные патронируемым ежемесячно деньги РОНО не выделялись. Например, девочка Яшанкина была принята на патронирование семьей из Арского района. Общий доход семьи, насчитывавшей восемь человек, вместе с пособием на девочку составлял 220 руб. на девять чел.

Материалы поступавших жалоб и актов сплошной проверки состояния патронируемых детей в 1940 г. показывают в основном неудовлетворительное материально-бытовое обеспечение. За неимением одежды и обуви многие дети не посещали школу, некоторые встали на путь безнадзорности и детской преступности. Для разрешения существующей ситуации необходимо было увеличить количество патронируемых детей до 2533 чел. и повысить патронатное пособие до 75 руб. в месяц.

В целом проблемы детской беспризорности к концу 1930-х гг. так и не были окончательно решены. Работа по выявлению беспризорных и безнадзорных детей в республике носила как кратковременный периодический, так и систематический характер. Главными задачами оставались вопросы снабжения детей продовольствием, одеждой и школьными (учебными) принадлежностями.

Источники

СПиР – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // Сборник постановлений и распоряжений СССР. – 1935. – № 32. – Ст. 252. – С. 473–477.

Литература

1. Ханбекова А.Э. Социально-демографические аспекты проблемы безнадзорности и беспризорности детей и подростков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2008. – №1(9). – С. 130–137.
2. Славко А.А. Государство и беспризорность в 1930-е годы: система функционирования детских домов // Вестник СамГУ. – 2009. – №1 (67). – С.23–27.
3. Ханипова И.И. Экономика потребления на селе в конце 30-х гг. XX в. // Известия Общества истории, этнографии и археологии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – Т.1. – С. 155–162.
4. Ханипова И.И. Уровень жизни сельского населения ТАССР во второй половине 1930-х–начале 1940-х гг. // Региональные социально-экономические программы стабилизации и развития АПК: сб. ст. Всероссийской науч.-прак. конф. – Пенза, 2006. – С. 90–93.
5. Утевский Б.С. Детский дом / Под ред. Я.А. Перель, А.А. Любимова. – М.-Л.: Наркомпрос РСФСР, 1932. – 64 с.
6. Утевский Б.С. Борьба с детской беспризорностью / Под ред. Я.А. Перель и А.А. Любимова. – М.-Л.: Наркомпрос РСФСР, 1932. – 148 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На наш взгляд, производственное обучение на фабриках и заводах было связано с проводившейся политикой индустриализации, так как государство нуждалось в дополнительных источниках рабочей силы.

² Речь идет о патронировании детей старше 4 лет через органы Наркомпроса. Патронирование детей в возрасте до 4 лет осуществлялось через органы Наркомздрава.

Аннотация

В статье на основе комплексного анализа неопубликованных источников из фондов НА РТ рассмотрена одна из важных проблем социальной истории ТАССР 1930-х гг. — массовая детская беспризорность. Особое внимание уделено росту беспризорности детей как последствие голода 1932—1933 гг. и голода конца 1930-х гг. Показан также образ жизни беспризорников предвоенных лет.

Ключевые слова: голод, бедность, детская беспризорность, безнадзорность, приемник-распределитель, детский дом, патронирование.

Summary

The article, based on the complex analysis of unpublished originals, touches upon one of the basic problems of social history of TASSR in the thirties of the XX century — child's dereliction. Special attention is paid to its growth, as a result of hunger in 1932–33 and at the end of the thirties; and to the way of living of homeless children during the prewar period.

Keywords: hunger, poverty, homeless, child neglect, adopter-distributor, orphanage, patronage.